

Дионисие Либони

**ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ В АДМИНИСТРАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЯХ М. С. ВОРОНЦОВА И И. Ф. ПАСКЕВИЧА
В БЕССАРАБИИ И В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ***

Рассматриваются сходства и расхождения в конструировании политики по отношению к западным окраинам со стороны двух символических «региональных просвещенных бюрократов»: М. С. Воронцова и И. Ф. Паскевича. Деятельность этих политических фигур повлияла на формирование политического курса имперского центра. В частности, наместники адаптировали установки Петербурга к местным реалиям и разработали более тонкую стратегию в деле инкорпорации местных элит в «социальное тело» империи.

In the present article, we aim to provide the general view of the evident similarities and differences between *politeia* managed by illustrative viceroys: Mikhail Vorontsov and Ivan Paskevich in the western borderlands. The activity of the both «local enlightened bureaucrats» was decisive for the way in which administrative policy of the Saint-Petersburg was applied. In particular, they draw attention to the multiple local factors with considerable potential to alterate the purposes of the imperial center. Finally, the governors tried to adopt the proactive policy-making for the final outcome: complete integration of local elites inside of the «social body» of *dvoryanstvo*.

Ключевые слова: бюрократия; элиты; конструирование; коллегиальность; Царство Польское; Бессарабия.

Keywords: bureaucracy; elites; province-building; collegial system; Kingdom of Poland; Bessarabie.

Водной из бесед с директором гражданской канцелярии кавказского наместника С. В. Сафонова Николай I сделал обобщающее замечание: «Не прав ли я, назначив на это место князя Михаила Семеновича? Я решительно говорю, что для Кавказа у меня нет другого человека, как он, а для Царства Польского князя Ивана Федоровича» [1, с. 397].

Параллели между личностями. Вполне типичное суждение государя ярко показывает роль представителей высшей власти в политике на территории западных окраин. По сути, оба наместника стали символическими фигурами последнего поколения региональных правителей, автономных от министерского или коллегиального надзора. Они на своем примере олицетворяли монарха в амплуа «человеческого совершенства», ознаменовали закат раннемодерного типа местного правления, в рамках которого наместникам при необходимости позволялось принимать экстренные практические меры, избегая письменной отчетности [2, с. 390; 3, с. 183—184; 4, с. 38].

Исследователь Энтони Райнлендер первым сформулировал и обосновал главные положения сходства между важными деятелями региональной администрации первой половины XIX в. Действительно, их судьбы и карьера имели похожие отправные точки, пути развития и даже любопытную для астрологов нумерологию. В частности, они начинали боевой путь в элитном подразделении — Преображенском полку, быстро себя проявили и были удостоены генеральского звания уже во время русско-турецкой войны (1806—1812) [5, с. 408]. Бородинское сражение оказалось поворотным моментом, во время которого новоиспеченные генералы успели показать отточенность мастерства. Во время гражданской службы губернаторы

* Подготовлено при поддержке проекта ERASMUS MUNDUS Action 2 — Strand 1 «HUMERIA».

управляли регионами, где преобладало нерусское большинство, а также им поочередно ставилась задача усмирения непокорного Кавказа [6, с. 126]. Для Паскевича это стало поводом для назначения на главнейшую должность жизни — наместника Царства Польского, для Воронцова Кавказ стал признанием его деятельности в Новороссии и Бессарабии [7, с. 2]. Временная разница в акте произведения в фельдмаршалы незначительна. Наместники стали представителями «просвещенных бюрократов» [8, с. 14], способных проецировать административные теоретические новшества с центра на руководимые окраины. Совпали даже месяц и год рождения — май 1782 г., а также почти одновременная смерть вельмож.

Первые задачи М. С. Воронцова на новой должности. В момент назначения Воронцова на должность наместника Бессарабии управление областью проводилось в соответствии с нормами «Устава образования Бессарабской области 1818 года» [9]. Еще на стадии разработки имперский центр вкладывал в этот документ скрытый конституционный замысел.

Избрание Воронцова стало решающим для развития области, а Указ от 7 мая 1823 г. предопределил переход к прямому стилю управления. Уже 28 июля того же года сдавший полномочия губернатор И. Н. Инзов передавал наместнический жезл новому «вершителю судеб» провинции [10, с. 318]. Согласно схеме, предложенной исследователем Сеймуром Беккером, решение сохранять наместничество для небольшого региона было вызвано желанием соблюдать особый правовой статус и региональные законы [11, с. 68]. Смена сановников стала результатом кадровой политики графа А. А. Аракчеева — «теневого» руководителя державы во время последних лет царствования Александра I [12, с. 5]. В ходе искусных манипуляций граф окружил себя преданными сановниками, минимизировав влияние прежних блюстителей [13, с. 172]. Хорошо знакомый с нравами имперского дворца Ф. Ф. Вигель отмечал, что Воронцов стал жертвой проводимого курса [14, с. 274—275]. Аракчеев хотел предварительно себя обезопасить от возможных «неудобств» со стороны бывшего командира оккупационного корпуса во Франции и сумел одним махом удалить из столицы двух перспективных военных — М. С. Воронцова и А. А. Закревского. А. П. Ермолов в одном из писем к Воронцову писал, что познавший натиск «канцелярских комбинаций», бывший кавказский военачальник был уверен, что львиная доля назначений на местах — следствие умения кандидатов обеспечивать нужные политические связи и продвижение своего имени в высших кругах. Положительные оценки всегда ставились сановникам с особо знатным происхождением, вне зависимости от реального положения дел [15, с. 251]. Одна из распространенных историографических гипотез связывает удаление Воронцова из-за его либеральных взглядов. Аракчеев имел на примете подпись недавно вернувшегося генерала на петиции, обращенной к царю с просьбой об освобождении казенных крестьян [16, с. 135]. Не в последнюю очередь славные традиции княжеского рода заставляли подумывать о возможностях Воронцова. Очевидно, факт назначения можно оценивать двояко. С одной стороны, поручение управления достаточно обширным новороссийским регионом с динамичной по меркам империи экономикой стало жестом доверия к способностям молодого военного. Хитрости теневых комбинаций внесли свою лепту в это решение. Воронцов не подозревал и не уличал (по крайней мере, мы не располагаем документальными свидетельствами на этот счет) приближенных Аракчеева в злом умысле. Более того, Воронцов выразил желание в случае утверждения в должности губернатора служить монарху на южных рубежах империи.

Из писем Ермолова нам становится ясно, что перед Воронцовым стоял выбор между Новороссией и Великим княжеством Финляндским. Первоначально Воронцову предложили заменить подавшего в отставку Фабиана фон Штейнхеля. Друг князя выдвинул предположение, что возможная борьба с другим кандидатом — молодым полковником Бутурлиным — могла стать губительной для впечатляющего послужного списка генерала. Однако удачный выбор не скрасил возникающие проблемы. В рамках философии власти неопытному губернатору оставалось только опираться на собственные силы. Ермолов без оглядок вырисовал

ситуацию в Бессарабии и наметил задачи: «Когда к управлению графа Ланжерона присоединили область Бессарабскую, дали тебе способ употребить твою деятельность. И у тебя есть земля, в которой все создать надлежит; но в Европе, среди народов просвещенных, в глазах множества иноземцев, не укроются труды твои, и успехи произведут плоды ощутительные, государству полезные» [17, с. 239].

Соперничество наместников и министров за влияние на окраины. Назначение Паскевича Высочайшим указом от 23 марта 1832 г. стало последним штрихом в процессе установления «нового порядка» после Ноябрьского восстания 1830 г. Император увидел в закаленном Паскевиче гарантию стабильности и твердости монаршей воли. Громкие заявления польской революционной диаспоры во Франции и Англии заставляли властей усомниться в прочности зыбкого мира. Царь не забывал, что Паскевич негативно относился к польским конституционным вольностям, и мнение свое резко озвучил от имени русского дворянства после речи Александра I на заседании Варшавского сейма 15(27) марта 1818 г. [18, с. 65].

От Воронцова ожидалось упорядочивание административной системы в целом [19, с. 124]. Министр внутренних дел Д. Н. Блудов уточнял в письмах список областей деятельности, подверженных злоупотреблениям и, следовательно, требующих скорейшего реформирования: 1) налоговая система, охарактеризованная как источник неудобств и пререканий со стороны населения; 2) юридическая сфера, недейственная из-за поборов в присутственных местах; 3) контроль деятельности вельмож, уличенных в совершении правонарушений; 4) уточнение критериев перехода в высшее сословие; 5) изменение роли Верховного совета, в котором видели оплот интриганства и чрезмерное сосредоточение власти местных бояр [20, с. 164].

Высшие круги согласились на план Воронцова решением, включенным в выписку из журнала Комитета министров от 11 ноября 1824 г. Планировалось учреждения Бессарабской области постепенно вливать в общую административную схему империи под началом Правительственного сената и министерств [21, с. 186]. Для воплощения установки был уполномочен лично Воронцов, а дело не передавалось особому комитету. Этот путь был нетипичен для правления Николая I [22, с. 56]. Мнение Воронцова восторжествовало в данном случае, так как изначальное предложение Комитета министров о создании коллегиальной инстанции было отклонено царем. Предполагалось, что исполнение указа станет прерогативой министра внутренних дел и министра юстиции. Процедура изменения статуса Бессарабии стала наиболее упрощенной по сравнению с Царством Польским после событий 1830 г.

Пути решения польского вопроса тщательно разрабатывались представителями имперского центра, поэтому решение о создании коллегиального учреждения было неизбежно. В рамках Комитета Паскевич разделял обязанности с видными деятелями центрального масштаба. На первых порах Паскевич не мог единолично принимать ключевые решения по устройству правления. Комитет по делам Царства Польского под председательством влиятельного министра, князя Виктора Кочубея, имел расширенные полномочия: рассматривать вопросы, касающиеся административных преобразований; иметь последнее слово во время принятия решений по урегулированию финансовых и юридических вопросов, в том числе обжалования постановлений Высшего варшавского уголовного суда. Комитет действовал без малого десять лет. Но самые важные указы были приняты во время первых трех лет (1831—1834). По мере увеличения роли наместника Комитет рассматривал незначительный массив дел, а порой откровенно бездействовал (в 1834, 1836—1837, 1839 гг.). Потом его роль стала чисто номинальной, а 9 ноября 1841 г. было принято решение о закрытии органа [23, с. 73].

Основы взглядов на способы «конструирования» провинций. Концепция реформ Воронцова резко отличалась от ранее предложенных моделей и находилась в антагонистическом отношении к «греческому проекту» министра Иоанниса Каподистрии [24, с. 114—115]. Политика поощрения участия местной аристократии в руководстве областью не способствовала выполнению другой цели: привлечение переселенцев для освоения юга региона. Воронцов мысленно

конструировал Бессарабию как объект колонизации. В его действиях прослеживалось стремление включить регион в новороссийское пространство, и поэтому имплементация реформ герцога де Ришелье и графа Ланжерона в Бессарабии ускорилась [25, с. 70]. Анализируя поставленные задачи в целях проведения перемен в администрации области, сановник обращался к нашумевшему случаю хотинского исправника, уличенного на противозаконных действиях: «Таковы обычаи страны, и эти-то обычаи, нравы и привычки граф Каподистрия и Стурдза так великодушно хотели им сохранить навсегда, как основной закон» [26, с. 130].

В окружении русского монарха больше не было известных личностей, способных защитить идею «особых прав». Граф Иоаннис Каподистрия находился на тот момент в Женеве, ища поддержку делу греческого освободительного движения [27, с. 123]. Несмотря на отдаление, бывший руководитель внешнего ведомства следил за положением дел в Бессарабии и вел переписку с управляющими областью, чтобы поддержать для региона значимую роль в задуманной им системе. В частности, в одном из писем он делал вывод, что Бессарабия должна быть руководимой только с душой, рациональностью и ответственностью. Также министр уверял, что выбор неподходящих людей мог свести на нет даже самые светлые намерения [28, с. 505]. Ответ на нападки в адрес установленного порядка в 1812 г. дал сын первого гражданского губернатора Александр Стурдза, сторонник медленной ассимиляции края: «Мы хотим обрусить эту часть Молдавского княжества через законы, вместо того, чтобы оставить времени и силе притяжения центра империи ответственность за ассимиляцию провинции, ведь религиозные узы и подчинение в интеллектуальной культуре обязательно приведут ее к необходимости имитации» [29, с. 74].

Возвращаясь к письму наместника к Блудову, видим предложение ограничить действия конституционного проекта. Наместник склонялся к тому, что принятие «основных законов» — маскировка конституционных вольностей. Этот термин, заимствованный из политического лексикона Монтескье, обозначал правовое поле, в котором защищались привилегии дворянства в отношениях с монархией. В последние годы правления Александра I происходил постепенный отказ от принципов «истинной монархии», но огромный вклад в дело особого положения дворянства в политической жизни внес ближайший родственник Михаила Семёновича — А. Р. Воронцов. Вместо прежней модели автократия предпочитала систему «бюрократической монархии» с разрешением внутреннего представительства дворянства только как отдельного социального класса, но уничтожая предпосылки для политической гегемонии. Таким образом, мы можем рассматривать политику Воронцова как один из винтиков более обширной программы по увеличению роли «профессиональных бюрократов» в ущерб дворянству как таковому [30, с. 13].

Личный опыт позволял управляющим создать собственные модели администрации. Так, Воронцов попытался преподнести себя как нового творца Бессарабии. Современники ждали от него превращения пустыни в хорошо построенный край. Ключевым для этой «цивилизационной миссии» стал кадровый вопрос. Одесский начальник особо неодобрительно относился к назначенцам от центра, в делегировании которых он не участвовал. Один из эпизодов произошел в 1829 г. Министр внутренних дел назначил одного из протеже П. Д. Киселёва, Рудомоева, на должность городского главы Феодосии, хотя губернатор предпочитал Франка. По случаю назначения царь предупредил министра о возможных проблемах с Воронцовым. В свою очередь, Закревский предупреждал Рудомоева быть бдительным и хитрым [31, с. 317].

Назначение друга губернатора А. А. Закревского на должность министра стало импульсом для более тесного сотрудничества с центральными властями. Переписка высших лиц показывает стремление министра реагировать быстро на инициативы. Близость интересов поразительна, если учитывать, что предшественники не придавали столь большого значения Новороссии. Закревский обещал представить свои заключения по поводу неразрешенных дел. Письмо указывало на нерасторопность Д. Н. Блудова. Согласно воспоминаниям, порой

приказы министра с трудом давались к исполнению, а переписка с министерством происходила медленно. Письма Закревского ценны для понимания преследуемых задач в контексте назначения гражданского губернатора Бессарабии. Согласно отчету от 1837 г., Д. Н. Блудов часто снимал назначаемых губернаторов из-за ошибок при отборе назначенцев [32, с. 158]. Список Блудова был сразу отброшен, а вместо неподходящих «фигурантов» предложен Дунаев, правда с условием дополнительных проверок совместимости с должностью. Генерал-губернатору выдавался карт-бланш для набора необходимых политических фигур для управленческой миссии в Бессарабской области и, более того, сравнительная обособленность от центрального министерства. Примером служит тот факт, что Закревский оправдал действия новороссийского деятеля по сооружению дополнительных застроек в зоне карантина без предварительного согласия министерства. Предложение министра о наделении генерал-губернатора властью выбирать руководителя Бессарабии, при этом соблюдая только формальную часть процедуры апробации, оправдывалось следующим образом: «Как местному начальнику, вам могут быть лучше моего известны способности и заслуги чиновников во вверенном вам крае; а потому и впредь, если случатся назначения по управлению вашему, я с удовольствием буду полагаться на ваше мнение и на ваш выбор, за который и ответственность возложит на вас». Но Воронцов отказался от права решающего голоса в щекотливом вопросе, поэтому Закревский назначил по своему усмотрению нового гражданского губернатора Бессарабии.

В другом вопросе имперские власти всецело одобрили взгляд Воронцова по поводу расширения карантина на Пруто-дунайском пограничье. Министерство внутренних дел со скептицизмом отнеслось к идее, предложенной командующим 2-й армии князем П. Х. Витгенштейном. Задумка о поддержании карантинной линии на реке Днестр не входила в планы Петербурга. Согласно Высочайшему указу от 1 августа 1829 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор становился единственным властителем карантинной линии на речных путях прудо-днестровского пространства [33, с. 569—570]. Принятие решения означало отказ от совместного управления карантинном местным начальником и армейского командующего.

Восстановление имперского порядка в Царстве Польском в 1831 г. ознаменовало изменение взглядов центра по отношению к данной территории — от попыток заключения компромисса с местной шляхтой к ускоренному вводу прямого стиля управления [34, с. 100]. Одно из объяснений подобной «железной» политики основывается на тезисе, что Россия осознавала свои слабости в военном отношении. Власти пытались справиться с кризисом в стратегической сфере [35, с. 212]. Вначале Паскевич желал превратить Польшу в обычную губернию, в которой действовали бы только екатерининские учреждения и законы [36, с. 601]. Возможно, он отказался от этой мысли из-за боязни реакции местных элит, но и высокого статуса, который получил. Но пройдет немного времени, и новый наместник станет защитником особого устройства царства и даже вспомнит образец наполеоновского Великого Герцогства Варшавского [37, с. 13]. Паскевич же по-особому понимал индивидуальность административной единицы. К нему предполагались сверхвоенизированная структура, а также дублирование гражданских учреждений полицейскими надзорными подразделениями.

Данные о стиле управления князя Эриванского можно извлечь из текстов воспоминаний одной из самых противоречивых фигур периода правления Паскевича — А. Я. Стороженко. Варшавский полицмейстер и главный следователь преступлений против «общественного порядка», чиновник превосходно знал рабочий стиль наместника. Стороженко считал, что несогласованность в действиях, отсутствие методичности и точности портили общее впечатление об образе управления регионом [38, с. 1753]. Едва ли мог кто-нибудь поставить под сомнение военные качества наместника, но его гражданское управление стало объектом критики после 1856 г. Особо отмечались проблемы в способах ведения делопроизводства и выборе должностных лиц.

Заключение. Воронцов был проводником «классической» политики в Бессарабии, направленной на полную субординацию региональных институций общеимперским учреждениям, в частности министерствам. Ради этой цели Воронцов отказался от титула полномочного наместника окраины — звания, предполагавшего внушительные полномочия полицейского характера. Решение стало следствием политического курса раннего правления Николая I на превращение должности генерал-губернатора из общеимперского феномена в роль, специфичную только для территориальных периферий. Согласно этой модели генерал-губернатор превращался в единственную эманацию власти императора [39, с. 157]. Постепенно Бессарабия стала частью Новороссии, макрорегиона, находившегося в стадии передовой фазы интеграции в составе условного «территориального ядра» [40, с. 432]. Царство Польское избежало комплексной ассимиляции, в том числе и из-за желания Паскевича сохранить чрезвычайную власть. В рапортах, адресованных государю, наместник убеждал в невозможности быстрого распространения системы министерского надзора на национальные окраины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Николай I — С. В. Сафонов 28 сентября 1846 г. // Архив кн. Воронцова. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1892. Т. 38. 536 с.
2. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. 597 с.
3. Одна из главных характеристик этого типа правления для Российской империи заключалась в существовании условного договора с периферийными элитами и использовании местных законов и обычаев в управлении на нижнем уровне. См. : *Горин А.* Проблема гражданско-правовой интеграции поздней Российской империи в русском общественно-политическом дискурсе (вторая половина XIX — начало XX в.) // *AbImperio*. 2012. Vol. 4. P. 181—208.
4. *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М. : Центрполиграф, 2003. 329 с.
5. Из записок фельдмаршала князя Паскевича // Рус. архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 419—436.
6. *Rhinelanders Anthony L.* Prince Michael Vorontsov: Viceroy to the Tsar. Montreal : McGill Univ. Press, 1990. 279 p.
7. *Rhinelanders Anthony L.* Viceroy Vorontsov's Administration of the Caucasus // Kennan Institute Occasional Paper Series. 1980. Nr. 98. P. 1—35.
8. Важный термин для описания реальностей 30-х и 40-х гг. XIX в. условно обозначает государственных служащих, проводивших эффективную и новаторскую политику и давших импульс развитию бюрократического «мира». См. : *Lincoln W. B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1982. 297 p.
9. По понятным объективным и субъективным причинам период существования Бессарабии как автономии (1812—1828) удостоился самого пристального внимания со стороны румынской межвоенной и национальной историографии в современной Республике Молдова. Далее представим далеко не полный список значимых работ: *Boldur A.* Autonomia Basarabiei sub stăpânirea rusească în 1812—1828. Studiu. Chişinău : Cartea românească, 1929. 108 p. ; *Idem.* Contribuţii la studiul istoriei românilor. 3 vol. Vol. 3: Istoria Basarabiei sub dominaţie rusească (1812—1917). Chişinău : Tiparul moldovenesc, 1940. 216 p. ; *Ciobanu Ş.* Monografia Basarabiei. Chişinău : Imprimeria Statului, 1926. 478 p. ; *Po'tarencu D.* Anexarea Basarabiei la Imperiul Rus. Chişinău : Prut Internaţional, 2006. 304 p. ; *Idem.* Contribuţii la istoria modernă a Basarabiei. Vol. 1, 2. Chişinău, 2005. 2009. 56+108 p. ; *Tomuleţ V.* Basarabia în epoca modernă (1812—1918) (Instituii, regulamente, termeni). Chişinău : Lexon-Prim, 2014. 672 p.
10. *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса : Город. тип., 1838. Ч. 2. 349 с.
11. Исследователь разделил и условно классифицировал основные факторы, обусловившие сохранение наместничеств и генерал-губернаторств на некоторые окраины в рамках 4 категорий. См. : *Беккер С.* Россия и концепт империи // Новая история постсоветского пространства / отв. ред. И. Герасимов. Казань, 2004. С. 67—80.
12. *Высочков Л. В.* Аракчеевское десятилетие: внутренняя и внешняя политика России в 1815—1825 гг. : учеб.-метод. пособие. СПб., 2011. 155 с.

13. *Захарова О. Ю.* Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М. : Центрполиграф, 2001. 381 с.
14. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1905. Т. 4. 651 с.
15. А. П. Ермолов — М. С. Воронцов 12 июля 1825 г. // Архив кн. Воронцова : в 40 т. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1890. Т. 36. 524 с.
16. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М. : Наука, 1989. 240 с.
17. А. П. Ермолов — М. С. Воронцов 31 июля 1823 г. // Архив кн. Воронцова : в 40 т. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1890. Т. 36. 524 с.
18. *Брюханов В. А.* Заговор графа Милорадовича. М. : АСТ-Астрель, 2004. 416 с.
19. *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812—1917). М. : НЛО, 2012. 400 с.
20. *Jewsbury George F.* Anexarea Basarabiei la Rusia: 1774—1828. Studii asupra expansiunii imperiale. Iași : Polirom, 2003. 200 p.
21. *Felea A., Candu T., Ciobanu T.* Institutiile administrative locale în Basarabia (1812—1838) : documente și materiale. Chișinău : Pontos, 2011. 288 p.
22. *McGrew Roderick E.* Russia and the Cholera, 1823—1832, Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
23. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 / отв. ред. Д. И. Раскин. СПб. : Наука, 1998. 332 с.
24. *Taki V.* Russia on the Danube: Imperial Expansion and Political Reform in Moldavia and Wallachia, 1812—1834 : дис. ... д-ра ист. наук. Budapest, 2007. 392 p.
25. *Шандра В. С.* Новоросійський і Бессарабський генерал-губернатор М. С. Воронцов (1823—1854) // Укр. ист. журн. 2002. № 1. С. 67—79.
26. Д. Н. Блудов — М. С. Воронцов 4 декабря 1823 г. // Рус. архив. 1905. Кн. 3. № 9. С. 132—133.
27. *Гросул В. Я.* Система управления Молдавии в составе России (XVIII — начало XX в.) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов (отв. ред.). М. : Славян. диалог, 1998. С. 162—185.
28. И. Каподистрия — М. С. Воронцов 10/22 января 1824 г. // Архив кн. Воронцова : в 40 т. М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1891. Т. 37. 522 с.
29. *Ghervas S.* Reinventarea tradiției: Alexandru Sturdza și Europa Sfintei Alianțe. Chișinău : Cartier, 2014. 599 p.
30. *Польской С. В.* Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. и его западноевропейские источники // ГИИМ: Доклады по истории XVIII века — DHI Moskau : Vorträge zum 18. Jahrhundert, 2010. № 6. С. 1—24.
31. А. А. Закревский — П. Д. Киселев 4 мая 1829 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. Т. 78. 556 с.
32. *Wortman Richard S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1976. 344 p.
33. Полное Собрание Законов Российской империи : в 55 т. Сер. 2. № 3058. Т. 4. СПб., 1830.
34. *Долбилов М., Миллер А.* (отв. ред.). Западные окраины Российской империи. М. : НЛО, 2007. 608 с.
35. *Kagan Frederick W.* The military reforms of Nicholas I: the origins of the modern Russian army. New York : St. Martin's Press, 1999. 337 p.
36. *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность : в 9 т. СПб. : Тип. Р. Голике, 1896. Т. 5. 414 с.
37. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М. : Индрик, 1999. 272 с.
38. Из записок А. Я. Стороженко // Рус. архив. 1873. Кн. 2. № 9. С. 320—338.
39. *Ефимова В. В.* Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // Труды ист. фак. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 11. С. 145—162.
40. *Мацузато Кимитака.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. : И. Герасимов [и др.]. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 427—458.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2015 г.